

ОДИНОКИЙ ТЕАТР

Александр Феклистов играет Гоголя

Ольга Галахова

Игры в классику

ЛЕТ ШЕСТЬ назад, когда слава пришла к актеру Александру Феклистову, он в интервью, которое мы делали для популярного тогда «Огонька», грустно заметил: «Карьера в одиночку — скучно...» Редакция спрашивала вынесла это романтическое размышление в заголовок.

В то время команду Александра Феклистова, Романа Козака, Михаила Мокеева, Дмитрия Брусникина — недавних выпускников Школы-студии МХАТа — критика, склонная в поисках аргументов к сильным историческим параллелям, сравнивала с Первой студией МХТ, а Феклистова — даже с новым Михаилом Чеховым.

Новый Михаил Чехов — Александр Феклистов — сейчас строит свою биографию одиночку, превращая себя в актера—премьера. Андеграундному подвалу на Бауманской временем «Эмигрантов», идеям студийного театра в маленьком зальчике Скатертного переулка студии «Человек» Феклистов предпочитает сегодня агентство «Богис», которое безшибочно точно разыгрывает карты только с козырями в руках: Феклистов и Меньшиков в «Нижинском»; один Феклистов — в последнем спектакле «Башмачкин».

Актерская натура Феклистова в отличие, скажем, от Олега Меньшикова — принца современной сцены — взыскивает диалога. Его актерская природа ликует, если творит не в одиночестве. Ему неуютно в плаще актера—премьера и в том типе спектакля, где ему предлагаются королевское кресло, овации, сбороны, конфеты, букеты... Он инстинктивно ищет на сцене союзника; он любит поговорить, оглядеть, отыграть партнера — так было в «Эмигрантах», в «Маскараде»; в меньшей мере, но было в «Нижинском». Даже в моноспектакле «Башмачкин»

линия приятия жизни, открытия мира, но мирка. Убогое его жилище заставлено вещичками, похожими на милого Башмачкина: и самоварчик, и шкатулочки, и ящики с ключиками, и коробочки. Все это похоже на любимые детские игрушки. Свойство детства — бескорыстная прихоть игры с предметами. В масштабе его жизни кружка чаю — событие, даже два глобальных происшествия: во-первых, пойти за кружкой, а уже во-вторых, попить чая. Сколько перемещений производится нашим героем в этом скученном заставленном пространстве! Путешествие Одиссея не идет ни в какое сравнение с путешествием Башмачкина по своей комнатке.

Департамент — иной мир. Башмачкин не то чтобы его боится, он ему удивляется. Пространство здесь сужено до предела. Художник С. Якунин буквально втиснул актера, воткнул в шкатулку, из которой выезжают ящики с бумагами: те, что пониже, — чином поменьше; те, что повыше, — чином поболе. А есть такой ящиочек — самый-самый высокий... Из

Актерское дарование Александра Феклистова безусловно значительно. Но его редкий сценический дар зависит от режиссера, готового пойти за актером и готового открыть нового актера. Увы, такого режиссерского глаза в спектакле не оказалось.

Убегая от общих мест, спектакль к общему mestу и возвращается: разыгрывается история о бедном маленьком человеке, которого раздавила среда.

Огромная шинель нападает на Башмачкина — его грабит метафора. Казалось бы, такой прием органично исходит из поэтики Гоголя. Но Шинель как знак насилия нельзя назвать точной деталью. Еще более спорна метафора шинели — невесты, той новенькой, беленькой, которую сшил Башмачкин. Этот знак шинели — невесты предполагает притязания Башмачкина на жизнь, мечтания о счаствии. Башмачкин же, в сущности, бесполое и полое существо. Его состояние в мире — состояние отказа. Если очеловечивать шинель, то, скорее, шинель для Башмачкина — более высокий чин, с которым он дол-

